

Political Historical Anecdote in the System of Carnival Political Culture

Tatiana A. Shebzukhova

FSBEI HE "Pyatigorsk Institute (branch) NCFU", Pyatigorsk, Russia

E-mail: shebzuhovaistd[at]pfncfu.ru

Abstract

The theme of carnival political culture has been considered in many scientific studies as an element of political and historical deviation. Publicism has long outstripped social science in fixing and describing the phenomenon of carnival political culture. Modern science now has to catch up and close this gap, and translate the already accumulated material from the "bird language" of journalism into scientific language. Translation, as you know, is the art of loss. And in this story, we also cannot do without some losses, the damage from which we must try to minimize. Semantic losses are especially strong, and the complete loss of meaning is the worst thing that can happen to a political system in its history. The political carnival turns out to be the force that can affect the distortion or even complete perversion of meaning, leading to the reformatting of national identity codes. The political anecdote turns out to be one of the most important factors of carnival political culture, by which one can judge the depth of the ongoing political carnival and analyze the everyday life of a particular historical time. Therefore, the present work is devoted to the analysis of the essence of the nature of the political anecdote.

Keywords

Power; elite; political carnival; historical anecdote; Russophobia; falsification; verification; empire.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Политический исторический анекдот в системе карнавальной политической культуры

Шебзухова Татьяна Александровна

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета, Пятигорск, Россия

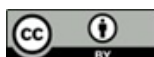
E-mail: shebzuhovaistd[at]pfncfu.ru

Аннотация

Тема карнавальной политической культуры рассматривалась во многих научных исследованиях, как элемент политической и исторической девиации. Публицистика давно опередила общественную науку в фиксации и описании феномена карнавальной политической культуры. Современной науке сейчас приходится догонять и ликвидировать этот образовавшийся разрыв, и перевести с «птичьего языка» публицистики на научный язык уже наработанный материал. Перевод, как известно, это искусство потерь. И в этой истории нам тоже не обойтись без некоторых потерь, ущерб от которых мы должны постараться свести к минимуму. Особенно сильны смысловые потери, а полная утрата смысла – самое страшное, что может случиться с политической системой в её истории. Политический карнавал оказывается той силой, которая может повлиять на искажение или даже полное извращение смысла, приводящего к переформатированию кодов национальной идентичности. Политический анекдот оказывается одним из важнейших факторов карнавальной политической культуры, по которому можно судить о глубине происходящего политического карнавала и анализировать повседневность конкретного исторического времени. Поэтому именно анализу сущности характера политического анекдота и будет посвящена настоящая работа.

Ключевые слова

Власть; элита; политический карнавал; исторический анекдот; русофобия; фальсификация; верификация; империя.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Лицо российской власти неоднократно искажалось гримасами политического карнавала, ставившего ее на грань исторического выживания. Кто-то выживал, кто-то нет. Но политический карнавал как фактор деградации в процессе элитоцида игнорировать никак нельзя.

Политический карнавал всегда приводит к серьезным политическим потрясениям. Карнавальность политики Ивана Грозного и царя Петра I привела к вырождению их династии уже в следующем поколении. В первом случае это привело к смутному времени, во втором – к длинной череде дворцовых переворотов. У бала-маскарада Екатерины Великой – была пугачевщина, у карнавальности в стилеимитации московского периода истории России Николая II – революция.

По своему характеру политический анекдот выполняет роль уточняющего фактора в понимании исторического события. Чаще всего ему отводится второстепенная роль. В научной литературе он никогда не выступает в качестве основного исторического источника информации. И эта вторичность незаслуженно отодвигала этот блок информации на задний научный план. Но, если Вы хотите узнать дух повседневности конкретного исторического времени, Вам не обойтись без привлечения этого «дополнительного материала».

Методология

В методологическом плане настоящая работа представляет собой анализ первоисточников, содержащих интересующий нас материал, по проблеме нетрадиционной оценки власти. Именно посредством политического исторического анекдота передавался сам дух повседневной обстановки исторической эпохи. Анекдоты фиксировали те стороны политической жизни, которые ускользали от взора официального хроникера.

Большую роль в нашей оценке той эпохи играют документы, относящиеся к таким выдающимся личностям, как Петр I и Екатерина Великая (См.: Бурлак, 2003; Шмидт, 2005). Несомненный интерес представляют мемуары того времени (Вильбоа, 1991; Миних, 1991; Корберн, 2003 и др.). Именно опираясь в первую очередь на них, мы и будем проводить анализ карнавальной политической культуры того времени. К этому следует добавить еще один такой момент, как рост русофобских настроений на Западе, который был пропорциональным росту могущества и влияния российской империи на мировую политическую обстановку. Было замечено, что русофобская традиция увеличивается по мере усиления влияния России и сопровождается ростом фальсификации ее истории и повседневности.

Источником многих исторических анекдотов служат мемуары, на страницах которых фиксировались различные забавные сюжеты, не попавшие в

анналы официальных хроник (Вяземский, 1963; Долгоруков, 1992). Так, например, мемуары князя П.В. Долгорукова отличаются насыщенностью скандальными подробностями обличительного характера. Он пишет о русской знати в преимущественно карикатурном тоне. Из-под его пера выходят сатирические типы русской аристократии, которой волей случая довелось управлять огромной империей. О многих представителях знати романовского времени можно было сказать следующее: «Будем продолжать наш биографический рассказ о князе ****, этом человеке, являющем разительный пример, какую блистательную карьеру совершить может в России бездарный пустозвон, сочетающий в себе хитрость и ловкость с безграничной самонадеянностью» (Долгоруков, 1992, стр.221).. Им рисуется политически безнравственная обстановка русской знати того времени. Он описывает ее в канонах карнавальной политической культуры. И хотя это относится к XIX столетию, нетрудно предположить, что нечто подобное было и столетием ранее и русская знать воспроизводила привычные ей коды своего культурного поведения.

Собрание исторических анекдотов (различного рода забавных и поучительных историй) оказывается интересным и в наше время (Пыляев, 1990; Синдаловский, 2012). И в наши дни подобного рода издания пользуются повышенным спросом и популярностью.

Личность царя Петра в исторических анекдотах

В научной литературе личности царя Петра всегда приписываются качества, указывающие на его исключительную роль в судьбах России. Его личность оценивалась как одна из самых выдающихся в российской истории последних трех столетий (Труайя, 2006; Шамин, 2012).

Исторический анекдот может рассматриваться как отдельный литературный жанр, выражающий ненужные подробности, оставшиеся за чертой официальной (парадной) версии истории. Его задача - вызвать не столько смех, сколько эмоциональный всплеск, способный этически повлиять на разум читателя. Основной посыл такого исторического анекдота - формирование яркого и запоминающегося представления об истории, даже если достоверность этого сообщения берется под вопрос.

В системе карнавальной политической культуры исторический анекдот занимает весьма активную позицию, выполняя роль связующего момента, который не столько развлекает, сколько отвлекает внимание от серьезных проблем. В анекдоте в сконцентрированном виде выражается отношение как к самой эпохе в целом, так и к отдельным историческим личностям, в частности.

Царь Петр I легко переходил грань добра и зла. Он метался между тьмой и светом, между ложью и правдой. Поэтому и сами оценки его деятельности тоже бросаются из крайности в крайность (Чистякова, 1992; Павленко, 1989, 1996). Апологеты его практически обожествляли: «Небо создало этого великого

мужа, чтобы посредством его деятельности и его высокого гения учредить порядок, ввести промышленность и науки в государстве, почти неизвестном соседям; во время своего правления он проявил все добродетели души героической и государя совершенного, всех превосходящего» (Миних, 1991, стр.37). Критики царя, напротив, откровенно демонизировали его образ – он для них являлся антихристом, вертепом сатанинских сил (Романов, 2004; Резников, 2016; Шмурло, 2003). Фигура царя по-прежнему остается одной из самых интересных с точки зрения исторического анекдота (Охотин, & Курганов, 1990; Анисимов, 1993) и все потому, что его личность не может уместиться ни в одной из научных работ.

Один из дошедших до нас анекдотов того времени, как раз указывает на эти царские странности: «Петр был невзыскателен в одежде. Носил платье и башмаки подолгу, иногда до дыр. Привычка французских придворных ежедневно появляться в новом платье вызывала у него лишь насмешку: «Видно, молодой человек никак не может найти портного, который одел бы его вполне по вкусу?» — дразнил он маркиза, приставленного к высокому гостю. Наприем к королю Петр явился в скромном сюртуке из толстого серого баракана, без галстука, манжет и кружев, в — оужас! — ненапудренном парике. Экстравагантность российского гостя так потрясла Версаль, что на время вошла в моду. Придворные щеголи с месяц смущали придворных дам диковатым костюмом, получившим официальное название «наряд дикаря» (Зырянов, 2016). Следует специально подчеркнуть, что анекдоты про Петра довольно мягкие, не злые. В этом, по всей видимости, отражается и сам характер этого правителя, который мог ситуативно быть то строгим (даже порой жестоким), то очень добрым и веселым.

Само поведение царя Петра уже было нарушением всех придворных правил. Царь все переворачивал и подгонял под себя. «Он все делал для своих подданных и ничего для самого себя; одевался он просто, и расходы всего его двора не превышали шестидесяти тысяч рублей в год. У него не было ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни пажей; не было и серебряной посуды. Десять или двенадцать молодых дворян, называемых денщиками, и столько же гвардейских гренадер составляли его двор; там не было обычая носить ливреи, а шитья на мужском платье в России вообще не знали» (Миних, 1991, стр.37). Царь много сделал позитивного, но были и негативные моменты, связанные с его самодурством.

По его оценкам, царь вошел в историю как великий реформатор, который опрокинул русскую старину. И именно в этом решительном опрокидывании и заключается некоторая карнавальность его времени. «Я не ставил здесь своей задачей входить в детали всех благотворных установлений Петра Великого. Они бесчисленны и непостижимы, и описание их составило бы объемистую книгу; я скажу лишь в немногих словах, что он преобразовал нравы и обычаи нации: люди, не принадлежащие к простонародью, перестали носить бороды, длинные одежды, сабли, персидские сапоги и русские шапки, и оба пола стали

одеваться по французской моде [Выделено – авт.]. Он завел ассамблеи, и, благодаря ему, прекрасный пол стал появляться в обществе» (Миних, 1991, стр.37). Совершенный царем культурный переворот, касался в первую очередь дворянства и родовой аристократии. Поэтому и вызывал с их стороны наибольшую реакцию карнавального плана. У кого-то просто не выдерживали нервы от перенапряжения, кто-то просто был физически или интеллектуально неспособен осилить все эти резкие изменения. Кто-то просто лицемерно подыгрывал, в надежде извлечь из всего этого спектакля свою эгоистическую выгоду. Причины были разные.

Некоторые такие короткие истории позволяют нам составить представление о том, как этот монарх относился к тому, что в наши дни получило название карнавальная политическая культура. «Когда Петр I обедал с супругой, то ему прислуживали камергеры и один малолетний паж. Если же к столу звали приближенных, моряков или иностранцев, то прислуживали обер-кухмистер Фельтен, денщик и два пажа. Но, подав закуски и вина, они должны были покинуть столовую.

Как-то обедавший у государя прусский посланник барон фон Мардефельд спросил, зачем император удаляет слуг. Петр ответил: « Когда я ем, то не хочу иметь зрителей. Эти наемники смотрят лишь на то, что мы кладем в рот. Они подслушивают все, что говорят за столом, разумеют все криво, а пересказывают еще кривее»...» (Жирнова, 2020). Именно искривление информационного пространства в политике и приводит к возникновению эффекта политического карнавала. Царь, видимо, догадывался об этом, раз пытался такими нехитрыми средствами предотвратить наступление этих негативных карнавальных последствий. Подобного рода искажения искажали саму личность царя, почему до нас и дошли столь противоречивые о нем свидетельства.

Но наиболее сильные искажения личности царя мы видим в откровенно русофобских анекдотах того времени. Один из них сочинил его бывший паж, а в последствие вице-адмирал (1747 г.) русского флота Франц (Никита Петрович) Вильбоа (François Guillemot de Villebois) (1681 – 1760).

Русофобские карнавальные извращения

Для западноевропейских элит русофобия была формой выражения своей ревности к России и всему русскому. Особенно заметна эта фобия именно в карнавальная политическая культура. Русофобия и политический карнавал неразрывно связаны ещё и с таким явлением как фальсификация – созданием параллельных исторических перевернутых вселенных.

Русофобия западных источников, привыкших демонизировать всё русское, изображает просто тиранический образ царя Петра – прямого продолжателя дела Ивана Грозного. Сложно доверять источнику информации, происхождение которого вызывает большие сомнения. Кто бы ни был автором этого «анекдота» он и допустить не мог подобного поведения своего (в данном

случае французского) монарха, потому и рисует образ русского царя как кровавого восточного тирана и откровенного садиста. С точки зрения канонов русофобии здесь нет ничего необычного. В Западной Европе привыкли к русскому «варварству» и оценивали ее как классическую «азиатскую дикость». По их логике «царь плотник» мог орудовать топором и не только в мирных целях!

Наибольшие русофобские восторги вызывает рассказ французского пажа царя Петра, который был якобы в октябре 1698 г. очевидцем его кровавой расправы над поверженными стрельцами: «Царь не удовлетворился лишь услугами солдат своей гвардии для выполнения этой экзекуции. Взяв топор, он начал собственной рукой рубить головы.

Он зарубил около 100 этих несчастных, после чего роздал топоры всем своим вельможам и офицерам своей свиты и приказал последовать его примеру... Головы всех казненных были перевезены на двухколесных телегах в город, насажены на железные кольца, вделанные в бойницы кремлевских стен, где они оставались выставленными, пока был жив царь» (Вильбоа, 1991:202).

Видимо рассказанная Вильбоа (точнее – Лже-Вильбоа) история настолько шокировала западного читателя, что ему пришлось оправдываться и приводить дополнительные доводы (свидетелей) подтверждающие эту его сенсацию. Зато в тексте есть осуждение русской варварской жестокости: «Но нельзя оправдать то, что он утолял свою ненависть с топором в руках и в крови этих преступников» (Вильбоа, 1991:202). Настораживает то, что автор этого текста (кем бы он ни был) несколько раз упорно повторяет, что данная информация из достоверных источников, и что автор ее заслуживает доверия... Явный намек на фальсификацию. Царь сам рубил головы и заставлял своих вельмож делать то же самое: «Эти свидетели находились в свите царя в день казни, и они ему подтвердили, что их заставили обезглавить нескольких из этих стрельцов. Опираясь на рассказ этих двух свидетелей, я и написал все, что было изложено выше об этой казни. Один из них был беглый француз, его звали Авэ. Он сопровождал царя в качестве хирурга в его поездках. Другой был офицером гвардейского Преображенского полка и денщиком царя во время казни. В обязанности человека на должности денщика входят те же функции, что у первого камердинера при других дворах. Эти обязанности имеют нечто общее с обязанностями простых дворян» (Вильбоа, 1991:202-203).

Следует отметить, что достоверность самих записок Ф. Вильбуа вызывает вопросы (есть подозрение, что это изрядно доработанная фальшивка). Во французском варианте они вообще названы как «анекдоты» («Anecdotes» – неопубликованное, устный рассказ)¹, по определенным причинам не вошедшие в официальную версию истории. Суть этого материала под видом русофобской

1 «Записки Вильбуа» (или «Анекдоты о российском дворе») хранятся в двух идентичных рукописях: одна – в Парижской Национальной библиотеке, другая – в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА ф. 1292 (Русское историческое общество), оп. 1, д. 124). На парижском варианте неизвестным лицом сделана приписка: «Анекдоты о России, Вильбуа не является их автором» (Вильбоа, 1991:193). Скорее всего, это анонимная подделка, приписанная Вильбоа, который в юности был пажом царя Петра.

маски создать альтернативную историю царствования царя Петра. Особое сомнение вызывают некоторые пассажи относительно всешутейшего собора (интерпретаций отдельных фактов) и особенно рассказ о стрелецкой казни.

А.С. Пушкин полностью проигнорировал эту историю, вкратце упомянув, что «Начались казни...Лефорту старался укротить рассвирепевшего царя. Многие стрельцы были спасены его ходатайством и разосланы в Сибирь, Астрахань, Азов и проч.» (Пушкин, 1946, стр.72). Но зато в среде русофобов эта байка оказывается чуть ли не главным аргументом, чтобы объявить царя Петра кровавым тираном, садистом, изувером и палачом собственного народа. Цель – вбить клин между властью (неограниченным самодержавием) и страдающим от ее произвола народом. Откровенная демагогия. Русофобская спекуляция на патриотических чувствах россиян.

Чем отличаются исторические свидетельства таких как Х.А. Миних и таких как Ф. Вильбоа? Первый не гонится за сенсацией, чтобы привлечь к своему рассказу внимание «скусающего читателя». Он стремится восстановить правду об исторических событиях. И если что-то забавное и попадает на пути его памяти, он честно об этом пишет. Пишет и об имевших место негативах и карнавальных искажениях истории. Например, критикует решения царя назначить прокурором «иностранца» Ягужинского, который «нагло злоупотреблял доверием и властью, полученными от своего господина [царя Петра]; он дурно обращался с сенаторами, и никто не был вхож к нему» (Миних, 1991, стр.40).

У фельдмаршала было меньше оснований «выдумывать» анекдотические истории, поскольку он в реальной жизни всего сам достиг. Известно высказывание императрицы Екатерины II о достоинстве маршала Х.А. Миниха: «Не будучи сыном России, он был одним из её отцов». И Екатерина, по всей видимости, доверяла ему, точнее, верила в его правдивость.¹

Следует отметить, что русофобская истерия сама становится историческим анекдотом, причем весьма неприличного характера.

Екатерина Великая в исторических анекдотах

Исторические анекдоты про императрицу Екатерину Великую весьма обширны и их анализ нуждается в специальном монографическом исследовании. Чаще всего в исторических анекдотах они фигурирует со своими многочисленными любовниками и придворными. Причем не всегда эти анекдоты являются достоверными. Чаще всего они скандальные и весьма порусофобски злые. «Искатели анекдотов, неверные собиратели исторических происшествий, мнимо беспристрастные, чтобы сказать острое словцо или

¹ Известно, что в декабре 1763 г. академик Г.-Ф.Миллер в одном из своих писем сообщал: «Императрице угодно было назначить меня помогать генерал-фельдмаршалу Миниху писать его мемуары. Это будет очень любопытный труд. Как ни стар фельдмаршал, однако у него прекрасная память и по-французски он пишет очень изящно. Мне остается только исправлять даты...» (Миних, 1874, стр. XVI).

достать денег, злонамеренные по своему ремеслу, захотят, может быть, умалить ее славу; но она над ними восторжествует» (Грибовский, 1989, стр.47).

Все это происходило на фоне постоянных балов и маскарадов, которые регулярно устраивались при царском дворе по каждому поводу и без повода. Царский двор умел веселиться и желал веселиться (Пыляев, 1990, стр.37-38). Именно это придворное веселье («вечный праздник») и создавал условия для распространения карнавальной политической культуры. Поэтому ходившие в те времена повсюду анекдоты «жили» в благоприятной придворной среде.

Частично этот момент был освещен в исследовании профессора П.Л. Карабущенко, посвященном анализу карнавальной политической культуры (Карабущенко, 2022). Было замечено, что в исторических анекдотах образ императрицы Екатерины II чаще всего оценивается в позитиве (как правило, это т.н. «добрые истории», позитивно оценивающие ее историческую роль). Приведем для примера несколько таких историй.

В 1775 г. посетив Сенат, французский дипломат Мари Даниэль де Корберон сравнил нравы Петровской эпохи с современными ему нравами и пришел к выводу, что это сравнение идет не в пользу Екатерины II. «На столе указы Петра I, — писал де Корберон, — как вести себя на собраниях, не ругаться и т.п., правила приблизительно такие же, как в парижских бильярдных; но Петр I, великий человек по своему гению, управлял варварами, и было необходимо преподать правила приличия мужикам, из которых он хотел сделать государственных людей. Конечно, следовало иногда бить их палками, что он отлично проделывал собственноручно. Если бы государыня последовала его примеру, она совершила бы лучшие дела и больше, нежели с ее нежным и романтическим духом, который здесь не годится» (Корберон, 2003, стр. 181).

И в наше время интерес к этой личности измеряется тем, насколько популярны в СМИ эти самые анекдоты о ней. Интернет просто забит ими. Причем интерес к ним испытывают не только российские, но и зарубежные читатели. И как показывает анализ этой информации, большинство читателей интересуется именно скандальная сторона истории этой личности, т.е. та, которая выводит нас на карнавальную политическую культуру.

В основном эти анекдоты подчеркивают мудрость и прозорливость этого правителя. Величие этой исторической фигуры измерялось тем, какое влияние на мировые процессы она оказывала. «В царствование Екатерины II – рассказывает одна из таких историй, – русская внешняя политика была в центре внимания всех европейских государств, ибо успехи России закрепили ее положение как великой державы. Иностранцы часто гадали, кто же входит в петербургский кабинет, благодаря чьим усилиям Россия занимает столь почетное место в мире и как велико число этих сановников. Тот же принц де Линь, хорошо знавший истинное положение дел, быть может, преувеличивая роль императрицы во внешнеполитических делах, говорил об этом так: "Петербургский кабинет совсем не так огромен, как заключает о нем Европа, он весь помещается в одной голове Екатерины"» (Зырянов, 2016).

Еще одна история свидетельствует о характере императрицы, привыкшей играть роль скромницы и благодетельницы. «Генерал Фёдор Михайлович Шестаков был удивительным человеком — за 40 лет военной службы он ни разу не был в Петербурге и впервые раз прибыл в столицу для оформления документов об отставке.

Генерала представили императрице. Екатерина II была удивлена, что впервые увидела столь заслуженного военного, и заметила: «Как же так случилось, Фёдор Михайлович, что я до сих пор ни разу вас не видала?» Генерал Шестаков, не обученный придворному этикету, ответил просто: «Даведь и я, матушка-царица, тоже вас не знал!». «Ну, меня-то, бедную вдову, где же знать! — усмеялась императрица. — А вы, Фёдор Михайлович, всё же генерал!» (Зырянов, 2016).

Несмотря на то, что Екатерина II была по происхождению немкой, она постоянно подчеркивала свой русский патриотизм. Рассказывают, что однажды императрице стало плохо, и ее любимый доктор Роджерсон прописал пустить ей кровь. После этой процедуры она приняла графа Безбородко, который поинтересовался состоянием ее здоровья: «Теперь лучше. — Отвечала Екатерина. — Последнюю немецкую кровь выпустила...» (Зырянов, 2016). Возможно, что не все подобного рода байки правдивы, но, судя по всему, чувство юмора у Екатерины было отменным!

Она также могла сама подшучивать насчет расового происхождения. Однажды Екатерине II подано было прошение одного капитана русского флота разрешить ему брак с чернокожей. Императрица разрешила, но это её позволение вызвало осуждение в обществе. Несмотря на отсутствие в стране расистских традиций, многие православные считали бракосочетание с негритянкой делом греховным. Екатерина II закрыла данную тему, заявив: «Сие есть не более чем честолюбивый политический замысел против Турции: я хотела этим торжественно ознаменовать бракосочетание русского флота с Чёрным морем...» (Зырянов, 2016).

Как уже выше отмечалось, политический анекдот это акцент исторической эпохи. Он не столько приукрашает, сколько разоблачает истинный смысл царивших в то время нравов и обычаев. И то, что нам сегодня дико и непонятно, для людей того времени было нормой.

Над самой Екатериной II постоянно висело подозрение в участии в убийстве ее мужа императора Петра III. Вокруг этой истории ходило масса спекулятивных и конспирологических версий, и есть подозрения, что она сама была причастна к фальсификации некоторых из них (Долгоруков, 1992, стр. 217-218). Поэтому императрица сама могла создавать вокруг своей персоны туман, когда ей это было нужно. Поэтому с определенной долей уверенности можно сказать, что она знала толк в эффективности механизмов политического карнавала и сама их активно и продуктивно использовала в создании своего позитивного имиджа.

Заключение

В системе карнавальной политической культуры политический/исторический анекдот играет роль узловой информационной точки, в которой сходятся многие психологические, культурные, этические и эстетические моменты конкретной исторической эпохи. Такой анекдот не просто иллюстрация повседневной жизни элиты, но и ключ к пониманию истинных мотивов и импульсов развития исторических процессов.

Анализ карнавального поведения элит прошлого помогает раскрыть те стороны их повседневного бытия, которые не попадали в поле зрения официальной истории. Политический анекдот оживляет, раскрывает, удивляет и учит. В типологии исторических анекдотов можно выделить те, которые очерняют политическую историческую личность; те, которые, напротив, ее возвеличивают. И есть, наконец, нейтральные, те, которые смешат и веселят читателя (обывателя), представляя собой т.н. «легкое чтение».

Список литературы

- Анисимов Е.В. (1993). Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты, 467.
- Бурлак Д.К. (2003). Петр Великий: Proetcontra (Р. др., П. Д. К. Бурлака, Л. В. Полякова, П. А. А. Кара-Мурзы, & Б. К.Е. Нетужилова, Ред.; с. 1024). Северо-Западное отделение РАО; РХГИ.
- Вильбоа, Ф. (1991). Рассказы о подлинной смерти царя Петра I и о всешутейшем и всепьянейшем Соборе, учрежденном этим государем при дворе- Вопросы истории (Выпуск 11, сс. 196–205).
- Вяземский, П. (1963). Записные книжки 1813–1848. Издательство АН СССР.
- Грибовский А.И. (1989). Записки о императрице Екатерине Великой. «Прометей».
- Долгоруков П. В. (1992). Петербургские очерки. —Памфлеты эмигранта. —1860—1867 (с. 560). Изд-во «Новости».
- Жирнова, А. (2020). Занимательное самодержавие. Исторические анекдоты о российских императорах и фаворитах. <https://zotyach7.livejournal.com/2139102.html>
- Зырянов, Е. (2016). Анекдоты про царей: От Петра I до Николая II.01.04.2016. <https://daily.afisha.ru/infoporn/1062-anekdoty-pro-carej-ot-petra-i-do-nikolaya-ii/>
- Карабущенко П.Л. (2022). Карнавальная политическая культура: Монография «ИНФРА-М». <https://znanium.com/catalog/document?id=395290>
- Корберон М. Д. (2003). Записки // Екатерина. Путь к власти.
- Миних Б.Х. (1991). Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи— Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720–е—1760–е годы. «Художественная Литература».
- Миних Б.Х. (1874). Записки фельдмаршала. М, 384.
- Охотин Н. & Курганов Е.Я. (1990). Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. «Художественная литература».
- Павленко Н. И. (1989). Птенцы гнезда Петрова. «Мысль».

- Павленко Н.И. (1996). Страсти у трона». История дворцовых переворотов. Журнал «Родина».
- Пушкин А.С. (1946). История Петра – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 6 тт. «Художественная литература», Т.6, 495.
- Пыляев М. И. (1990). Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. Моск. рабочий, 416.
- Резников, К. (2016). Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра.М. «Вече», 560.
- Романов М. Ю. (2004). Стрельцы московские. Москва, 352.
- Синдаловский, Н. (2012). История Петербурга в городском анекдоте. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. Центрполиграф.
- Труайя, А. (2006). Пётр Великий. Изд-во Эксмо.
- Чистякова С.А. (1992). История Петра Великого. Изд-во «Буклет», 524.
- Шамин С.М. (2012). Формирование внешнеполитических представлений Петра I и куранты 1690 –1693 гг. Российская история, 4, 111–120.
- Шмидт С.О. (2005). Петр Великий: Материалы для биогр. В 6т. «Наука», Т.1, 535.
- Шмурло Е.Ф. (2003). Пётр Великий в оценке современников и потомства. Pro et contra. РХГИ.

References

- Anisimov E.V. (1993). Peter the Great. Memories.Diary entries.Jokes (p. 467). Pushkin Fund. Third Wave. (in Russian).
- Burlaki, D. K., Kara-Murza, A. A., & Polyakov, L. V. (Eds.). (2001). Peter the Great: Pro et contra: Personality and Deeds of Peter the Great as Evaluated by Russian Thinkers and Researchers. The Publishing House of the Russian Christian Institute for the Humanities.
- Chistyakova S.A. (1992). History of Peter the Great. M. : Publishing House "Buklet. RIA 'Double Rainbow'. (in Russian).
- Dolgorukov P. V. (1992). Petersburg essays. - Emigrant's pamphlets. - 1860-1867. Publishing house 'News'. (in Russian).
- Gribovsky A.I. (1989). Notes on Empress Catherine the Great (p. 95). Prometheus. (in Russian).
- Karabuschenko P.L. (2022). Carnival political culture. INFRA-M. <https://znanium.com/catalog/document?id=395290> (in Russian).
- Korberon M. D. (2003). Notes // Ekaterina. Path to power.M (Vol. 2003). (in Russian).
- Minich B.-X. (1874). Field Marshal's Notes (M. N. Field Marshal Count Munnich, Ed.; p. 384). Edition of Ya. A. Isakov. (in Russian).
- Minich B.-X. (1991). Essay, giving an idea of the form of government of the Russian Empire—Timelessness and temporary workers. Memories of the "Era of Palace Revolutions. 'Fiction Literature'. (in Russian).
- Okhotin N., &Kurganov E. Ya. (1990). Russian literary anecdote of the late 18th—Early 19th century.M (p. 274). Fiction. (in Russian).
- Pavlenko N. I. (1989). Nestlings of Petrov's nest. Thought. (in Russian).
- Pavlenko N.I. (1996). Passion at the Throne. History of palace coups. Journal 'Rodina', (in Russian).

- Pushkin A.S. (1946). The story of Peter. Complete works in 6 vols. Vol. 6, Art Literature Magazine (in Russian).
- Pylyayev M.I. (1990). Old Moscow: Stories from the former life of the capital . Mosk. worker. (in Russian).
- Reznikov, K. (2016). Myths and facts of Russian history.From the hard times of the Troubles to the empire of Peter (p. 560). Veche. (in Russian).
- Romanov M. Yu. (2004). Archers of Moscow. – Moscow, 352. (in Russian).
- Schmidt S.O. (2005). Peter the Great: Materials for biogr (M. M. Bogoslovsky, Ed.; responsible, Vol. 6, p. 535). Nauka. (in Russian).
- Shamin S.M. (2012). Formation of foreign policy ideas of Peter I and the chimes of 1690-1693. Russian History, 4, 111-120. (in Russian).
- Shmurlo E.F. (2003). Peter the Great as assessed by his contemporaries and posterity. Peter the Great: Pro et contra (pp. 670-707). RKHGI. (in Russian).
- Sindalovsky, N. (2012). The history of St. Petersburg in the urban anecdote. Legends and myths of St. Petersburg. Tsentrpoligraf. (in Russian).
- Troyat, A. (2006). Peter the Great (p. 448). Eksmo Publishing House. (in Russian).
- Vilboa, F. (1991). Stories about the true death of Tsar Peter I and about the most joking and most drunken Cathedral established by this sovereign at the court (Issue 11). Questions of history. (in Russian).
- Vyazemsky, P. (1963). Notebooks (1813-1848). Publishing House of the Academy of Sciences of the SSR. (in Russian).
- Zhirnova, A. (2020). Entertaining autocracy.Historical anecdotes about Russian emperors and favorites. <https://zotych7.livejournal.com/2139102.html> (in Russian).
- Zyryanov, E. (2016). Jokes about tsars: From Peter I to Nicholas II. <https://daily.afisha.ru/infoporn/1062-anekdoty-pro-carej-ot-petra-i-do-nikolaya-ii/> (in Russian).